

Рэй Брэдбери

Они были смуглые и золотоглазые

Ветер с полей обдувал дымящийся металл ракеты. Глухо щелкнув, открылась дверь. Первым вышел мужчина, потом женщина с тремя детьми, за ними остальные. Все пошли через марсианские луга к недавно построенному поселку, но мужчина с семьей остался один.

Ветер шевелил ему волосы, тело напрягалось, словно еще погруженное в безмерность пустоты. Жена стояла рядом; ее била дрожь. Дети, как маленькие семена, должны были вращаться отныне в почву Марса.

Дети смотрели снизу вверх в лицо отца, как смотрят на солнце, чтобы узнать, какая пора жизни пришла. Лицо было холодным, суровым.

- Что с тобой? - спросила жена.

- Вернемся в ракету.

- И на Землю?

- Да. Ты слышишь?

Стонущий ветер дул, не переставая. Что, если марсианский воздух высосет у них душу, как мозг из костей? Мужчина чувствовал себя погруженным в какую-то жидкость, могущую растворить его разум и выжечь воспоминания. Он взглянул на холмы, сглаженные неумолимой рукой времени, на развалины города, затерявшиеся в море травы.

- Смелее, Гарри, - отозвалась его жена. - Уже слишком поздно. За нами лежит шестьдесят пять миллионов миль, если не больше.

Светловолосые дети разногласно щебетали под сводом марсианского неба. Им отвечали свист и шипение ветра в жесткой траве. Мужчина схватился за чемоданы.

- Идем, - произнес он, как человек, стоящий на берегу моря и готовый плыть и утонуть.

Они двинулись к поселку.

Семейство называлось: Гарри Биттеринг, его жена Кора, их дети Дэн, Лора и Дэвид. Они жили в маленьком белом домике, ели вкусную пищу, но неуверенность ни на минуту не покидала их.

- Я чувствую себя, - нередко говорил Гарри, - как глыба соли, тающая в горном потоке. Мы не относимся к этому миру. Мы люди Земли. Здесь - Марс. Он предназначен для марсиан. Давай улетим на Землю.

Жена отрицательно качала головой.

- Землю могут взорвать бомбой. Тут мы в безопасности.

Каждое утро Гарри проверял все вокруг - теплую печь, горшки с кроваво-красными геранями, - что-то вынуждало его к этому, словно он ожидал: чего-то вдруг не хватит. Утренние газеты еще пахли краской, прямо с Земли, из ракеты, прилетавшей каждое утро в 6 часов. Он развешивал газету перед тарелкой, когда завтракал, и старался говорить оживленно.

- Через десять лет нас будет на Марсе миллион или больше. Будут большие города, все! Нас пугали, что нам не удастся. Что марсиане прогонят нас. А разве мы здесь видели марсиан? Ни одного, ни живой души. Правда, мы видели города, но покинутые, в развалинах, не правда ли?

- Не знаю, - заметил Дэв, - может быть, марсиане тут есть, но невидимые? Иногда ночью я словно слышу их. Слушаю ветер. Песок стучит в стекла. Я вижу тот город, высоко в горах, где когда-то жили марсиане. И мне кажется, я вижу, как там вокруг что-то шевелится. Как ты думаешь, отец, не рассердились ли на нас марсиане за то, что мы пришли?

- Вздор! - Биттеринг взглянул в окно. - Мы безобидные люди. В каждом вымершем городе есть свои призраки. Память... мысли... воспоминания... - Его взгляд снова обратился к холмам. - Вы смотрите на лестницы и думаете: как выглядел марсианин, поднимавшийся по ним? Смотрите на марсианские рисунки и думаете, как выглядел художник? Вы сами себе создаете призраки. Это вполне естественно: воображение... - Ой прервал себя. - Вы опять рылись в развалинах?

- Нет, папа. - Дэв пристально разглядывал свои башмаки.

- Помните, вы должны держаться от них подальше. Передай мне джем.

- Я чувствую, что-то должно случиться, - прошептал Дэв.

"Что-то" и случилось в тот же день, к вечеру.

Лора бежала с плачем через весь поселок. В слезах она вбежала в дом.

- Мама, папа, на Земле беспорядки! - рыдала она. - Сейчас по радио сказали... Все космические ракеты погибли! Ракет на Марс больше не будет, никогда!

- О Гарри! - Кора обняла мужа и дочь.

- Ты уверена, Лора? - тихо спросил отец.

Лора плакала. Долгое время слышался только пронзительный свист ветра.

"Мы остались одни", - подумал Биттеринг. Его охватила пустота, захотелось ударить Лору, крикнуть: неправда, ракеты прилетят! Но вместо этого он погладил головку дочери, прижал к груди, сказал:

- Это невозможно, они прилетят наверное.

- Да, но когда, через, сколько лет? Что теперь будет?

- Мы будем работать, конечно. Трудиться и ждать. Пока не прилетят ракеты.

В последние дни Биттеринг часто бродил по саду, одинокий, ошеломленный. Пока ракеты ткали в пространстве свою серебряную сеть, он соглашался примириться с жизнью на Марсе. Ибо каждую минуту он мог сказать себе: "Завтра, если я хочу, я вернусь на Землю". Но сейчас сеть исчезла. Люди остались лицом к лицу с необъятностью Марса, опаленные зноем марсианского лета, укрытые в домах марсианской зимой. Что станет с ним, с остальными?

Он присел на корточки возле грядки; маленькие грабельки в руках у него дрожали. "Работать, - думал он. - Работать и забыть". Из сада он видел марсианские горы. Думал о гордых древних именах, которые носили вершины. Несмотря на эти имена, люди, спустившиеся с неба, сочли марсианские реки, горы и моря безыменными. Когда-то марсиане строили города и называли их; покоряли вершины и называли их; пересекали моря и называли их. Горы выветрились, моря высохли, города стояли в развалинах. И люди с каким-то чувством скрытой вины давали древним городам и долинам новые имена. Ну что ж, человек живет символами. Имена были даны.

Биттеринг был весь в поту. Огляделся и никого не увидел. Тогда он снял пиджак, потом галстук. Он аккуратно повесил их на ветку персикового дерева, привезенного из дому, с Земли.

Он вернулся к своей философии имен и гор. Люди изменили их названия. Горы и долины, реки и моря носили имена земных вождей, ученых и государственных деятелей: Вашингтона, Линкольна, Эйнштейна. Это нехорошо. Старые американские колонисты поступили умнее, оставив древние индейские имена: Висконсин, Юта, Миннесота, Огайо, Айдахо, Милуоки, Осseo. Древние имена с древним смыслом. Задумчиво вглядываясь в далекие вершины, он размышлял: вымершие марсиане, может быть, вы там?..

Подул ветер, стряхнул дождь персиковых лепестков, Биттеринг протянул смуглую, загорелую руку, тихо вскрикнул. Прикоснулся к цветам, поднял несколько цветов с земли. Шевелил их на ладони, гладил, шевелил снова. Наконец окликнул жену:

- Кора!

Она появилась в окне. Он подбежал к ней.

- Кора! Эти цветы... Видишь? Они другие! Не такие! Это не цветы персика!

- Не вижу разницы, - ответила она.

- Не видишь? Но они другие! Я не могу этого определить. Может быть, лишний лепесток, может быть, форма, цвет, запах...

Дети выбежали из дома, следили, как отец бежит от грядки к грядке, как выдергивает то лук, то морковь, то редиску.

- Кора, иди сюда, посмотри!

Они разглядывали лук, морковь, редиску.

- Разве морковь бывает вот такая?

- Да... Нет... - Она колебалась. - Не знаю.

- Ты знаешь... Лук не лук. Морковь не морковь. Вкус такой же, но другой. Запах не такой, как раньше.

Он почувствовал, как бьется у него сердце.

- Кора, что это? Что случилось? Мы должны уйти отсюда!

Он забегал по саду, каждое дерево ощутило его руку.

- Розы! Розы! Становятся зелеными!

Они стояли, глядя на зеленые розы.

А через два дня в комнату вбежал Дэн.

- Идите посмотрите на корову! Я доил ее и увидел... Идите!

Они пришли в сарай. У коровы рос третий рог.

Газон перед домом слегка, едва заметно, отливал фиолетовым, как весенняя сирень.

- Нужно уходить, - произнес Биттеринг. - Этого нельзя есть безнаказанно, мы превратимся тоже кто знает во что! Я этого не позволю. Нам остается только одно: уничтожить все овощи.

- Но они ведь не ядовиты!

- Ядовиты. Яд в них тонкий, очень тонкий. Его немного, чуть-чуть. Но трогать их нельзя.

Он нерешительно разглядывал домик.

- Даже дом. Может быть, его изменил ветер. И воздух. И ночные туманы. Стены, полы - все изменилось! Это уже не дом для человека!

- Ах, это твое буйное воображение!

Он надел пиджак, завязал галстук.

- Я пойду в город. Нужно что-то сделать. Вернусь скоро.

- Гарри, подожди! - окликнула то жена.

Но он уже ушел.

В городке, на затененных ступеньках, ведущих в зеленую лавку, сидело, бесечно болтая, несколько человек.

Биттерингу вдруг захотелось выстрелить в воздух, разбудить их. "Что вы делаете, глупцы? - подумал он. - Сидите тут? Вы слышали новость: мы пленники чуждой нам планеты! Действуйте! Вам не страшно? Вы не боитесь? Что вы хотите делать?"

- Как поживаешь, Гарри? - окликнули его. - Садись с нами.

- Погодите, - возразил он. - Вы слышали недавние новости, да?

Они засмеялись, кивая головами.

- Что вы намерены делать?

- Делать? А что тут можно сделать?

- Построить ракету, вот что!

- Ракету? Чтобы опять вернуться к прежним тревогам? О нет!

- Вы должны! Вы видели цветы персика, розы, траву?

- Конечно, - ответил один из сидевших.

- И не боитесь?

- Не очень. Мы не заметили. Кажется, нет.

Ему захотелось плакать.

- Вы должны работать вместе со мной. Если мы останемся здесь, мы тоже изменимся. В воздухе что-то есть. Марсианский вирус... разве я знаю? Семена, пыльца... Вы слышите?

Они молча глядели на него.

- Сэм! - обратился он к одному из них.

- Да, Гарри?

- Ты поможешь мне строить ракету?

- У меня есть куча железа и кипа чертежей. Я уступлю...

Все засмеялись.

- Сэм, - сказал вдруг Биттеринг, - глаза у тебя...

- Что с ними, Гарри?

- Раньше они были серые, правда?

- Зачем ты спрашиваешь?

- Теперь они золотистые.

- Неужели? - уронил Сэм.

- И ты стал выше и стройнее!

- Может быть.

- Сэм, почему глаза у тебя пожелтели?

- А какого цвета они были у тебя? - спросил Сэм.

- У меня? Голубые, конечно!

- Ну, так посмотри. - Он подал ему зеркальце.

Биттеринг поколебался, затем поднес зеркальце к глазам...

- Вот видишь, что ты наделал? - укоризненно заметил Сэм. - Разбил мое зеркальце.

Гарри Биттеринг переселился в мастерскую и начал строить ракету. В широко раскрытых дверях останавливались люди, переговаривались и шутили приглушенными голосами. Иногда помогали ему поднять или передвинуть что-нибудь. Но чаще только смотрели все более золотистыми глазами.

Приходила Кора, приносила в корзине завтрак.

- Я этого не хочу, - твердил он. - Буду есть только запасы с Земли. То, что мы привезли с собой. Не то, что выросло в огороде.

Жена смотрела на него. А он не смотрел на нее и разворачивал свои чертежи.

- Гарри! Гарри! - жалобно повторяла она.

- Мы должны уйти отсюда. Должны!

Ночи были полны ветра, струящегося в блеске лун сквозь море трав в пустых полях, сквозь клетки городов, покоящихся уже 120 веков. В поселке домик Биттерингов с дрожью ждал и боялся перемен.

Лежа в постели, Гарри чувствовал, как удлиняются у него кости, как они изменяют форму, размягчаются, словно плавящееся золото. Спящая рядом жена была смуглая, золотоглазая. Она спала спокойно; спали в своих кроватках бронзово загорелые дети. А ветер зловеще свистал в изменившихся персиковых деревьях, волновал сиреневую траву, срывал с роз зеленые лепестки.

На востоке появилась зеленая звезда.

Странные слова сорвались у него с губ.

- Иоррт... Иоррт... - повторял он.

З

Это было марсианское слово. Он не знал этого языка.

Посреди ночи он вскочил с постели, набрал номер археолога Симпсона.

- Скажите, что значит слово "иоррт"?

- Да ведь это древнемарсианское название нашей Земли. А почему вы спрашиваете?

- Просто так.

Трубка выпала у него из рук.

"Алло, алло, алло, - повторяла она, пока он вглядывался в зеленую звезду. - Биттеринг! Отзовитесь, Гарри!"

Дни шли, полные железного лязга. Он собирал железный каркас ракеты с неохотной помощью троих равнодушных мужчин. Через час он уже чувствовал себя усталым, должен был отдыхать.

- Это действует горный воздух, - говорили ему, смеясь.

Через несколько дней жена сказала тихо:

- Гарри, запасы кончились. Ничего не осталось. Я принесла тебе марсианскую пищу.

Биттеринг тяжело сел. Взял сэндвич, развернул, осмотрел, начал есть.

- Отдохни сегодня, - говорила жена. - Нынче так жарко. Дети хотят идти на канал, поплавать. Идем с нами.

- Нельзя тратить время.

- Только часок, - настаивала она. - Купанье тебе поможет.

Солнце жгло, день был безветренный. Они шли по берегу канала, отец, мать, дети в купальных костюмах. Потом сели. В глазах жены и детей Гарри увидел золото. Раньше они не были золотыми. Его пронизала дрожь, растаявшая в лучезарных потоках зноя. Гарри вытянулся на траве. Он слишком устал, чтобы бояться.

- Кора, - спросил он, - давно ли глаза у тебя стали золотыми?

- Они всегда были такими.

- Нет. Три месяца назад были карие.

Они лежали на солнце.

- А у детей? - спросил он. - Тоже золотые?

- Когда дети растут, цвет глаз у них иногда меняется.

- Может быть, мы тоже дети. Для Марса, во всяком случае. Удачная мысль! Он засмеялся. - Пойдем купаться.

Они спустились в воду. Он погружался все глубже до самого дна, словно золотистая статуя. Ему захотелось растянуться на дне и лежать в зеленой тиши, в спокойствии.

Поднимаясь на поверхность, он смотрел в небо. "Там, на равнине, - думал он, - струится огромная марсианская река, и в нее погружены мы все, наши каменные дома и деревянные хижины, а она течет и омывает наши тела, удлиняет нам кости..."

На берегу сидел маленький Дэн, глядя на отца.

- Утха, - сказал он вдруг.

- Что ты говоришь? - спросил отец.

Мальчик улыбнулся.

- Ты же знаешь. Это по-марсиански "отец".

- Где ты этому научился?

- Не знаю. Нигде. Утха!

- Чего ты хочешь?

Мальчик не решался сказать.

- Я... Мне хотелось бы... переменить имя.

Мать подошла к ним.

- Разве имя Дэн тебе не нравится? Почему?

Дэн нетерпеливо шевельнулся.

- Вчера ты кричала: "Дэн, Дэн, Дэн!", а я словно и не слышал. Думал, что это не ко мне. У меня есть другое имя, и я хочу им называться.

Биттеринг слушал внимательно, с бьющимся сердцем.

- Какое же это имя?

- Линнл. Красивое, правда? Можно мне так называться? Можно? Ты позволяешь?

Биттеринг вытер себе лоб. Он думал о ракете: строил ее одиноко, одинокий даже среди собственной семьи, слишком одинокий... Услышал слова жены: "Почему бы нет?" Услышал собственные слова: "Конечно, можешь называться так".

- Э-э-э-эй! - обрадованно завопил мальчик. - Я Линнл! Я Линнл! - И заплясал через весь луг.

Биттеринг взглянул на жену.

- Зачем мы сделали это?

- Не знаю, - ответила она. - Он хорошо придумал, правда?

Они пошли в горы. Бродили по древним, извилистым, мозаичным тропинкам среди все еще бьющих фонтанов. Они очутились перед небольшой заброшенной марсианской виллой с чудесным видом на долину. Она стояла на вершине холма. Веранда из голубого мрамора, обширные залы, в саду - бассейн. Здесь было прохладно. Марсиане не признавали больших городов.

- Как здесь хорошо! - воскликнула жена Биттеринга. - Что, если провести тут все лето?

- Вернемся, - ответил он. - Вернемся в поселок. С этой ракетой еще много работы.

Однако в этот вечер его не покидали мысли о прохладе виллы из голубого мрамора. С течением времени ракета начала терять смысл. Горячка спадала. Иногда он думал об этом со страхом, но зной, и пьянящий воздух, и ночной ветер делали свое.

В один из дней до него донеслись голоса людей, стоявших у порога мастерской. Биттеринг вышел за порог.

Он увидел вереницу грузовиков, набитых вещами, детьми. Грузовики медленно двигались по пыльной улице.

- Все выезжают в горы. На лето, - сказал ему кто-то. - А ты, Гарри?

- У меня работа.

- Работа! Ракету можно закончить и осенью, когда будет прохладней.

Биттеринг тяжело вздохнул.

- Каркас уже почти закончен.

- Осенью тебе будет легче.

"Осенью будет легче, - подумал и он. - Времени хватит".

- Едем, Гарри! - звали его все.

- Ладно, - ответил он, чувствуя, как его воля тает в густом от зноя воздухе. - Ладно.

Едем.

- Там есть вилла над каналом. Знаете, канал Тирра, - сказал кто-то.

- Ты говоришь о канале Рузвельта?

- Тирра. Это старое марсианское название. Я нашел такое место в горах Пиллан...

- То есть в горах Рокфеллера? - спросил Гарри.

- Я говорю - в горах Пиллан, - возразил Сэм.

- Да, - произнес Биттеринг, утопая в густом, как жидкость, зное. - В горах Пиллан.

На следующий день все помогали грузить машину. Вещи носили Лора, Дэн и Дэвид. Вернее - Ттил, Линнл и Верр, ибо так они захотели теперь называться.

Мебель оставили в белом домике.

- Она годилась для Бостона, - заметила мать. - Даже для этого дома. Но там, на вилле? Нет. Мы вернемся к ней осенью.

Биттеринг был спокоен.

- Я уже знаю, какая мебель нам понадобится на вилле, - сказал он, помолчав. - Большая и удобная.

- А твоя энциклопедия? Ты возьмешь ее?

Биттеринг отвернулся.

- Я приеду за ней на той неделе.

4

Закрыли воду, газ, заперли окна и двери, двинулись к машине. Отец взглянул на багаж.

- Черт возьми, немного, - вскричал он. - В сравнении с тем, что мы привезли на Марс, - горсточка!

Включил мотор. Некоторое время смотрел на белый домик. Захотелось подбежать к нему, потрогать, проститься с ним. Показалось, что они отправляются в дальний путь, что оставляют здесь нечто, к чему никогда уже не вернуться, чего никогда полностью не поймут.

Лето осушало каналы. Лето шло по полям, как пожар. Дома опустевшего поселка рассыхались и трескались. В мастерской ржавел остов ракеты.

Поздно осенью на склоне близ виллы стоял очень смуглый, золотоглазый Биттеринг. Он смотрел в долину.

- Пора возвращаться, - напомнила ему жена.

- Да, но мы не поедем, - тихо ответил он. - Незачем.

- А твои книги? - спросила она. - Твои лучшие костюмы?

Она сказала: "А твои иллес, твои иор уэле рре?"

- Поселок пуст, - ответил он. - Никто не возвращается. Незачем.

Дочь ткала ковры, сыновья извлекали странные, древние мелодии из древних флейт, их смех пробуждал эхо в мраморной вилле.

Биттеринг смотрел на поселок в долине.

- Какие странные, какие смешные дома были у этих пришельцев с Земли!

- Других они не знали, - ответила жена. - А какие они были сами! Хорошо, что они ушли.

Они переглянулись. Слова, произнесенные ими, поразили их. Потом оба засмеялись.

- Куда они ушли?

Оба задумались. Он взглянул на жену. Она была высокая, смуглая, стройная, как ее дочь. Она смотрела на него, и он казался ей молодым. Как старший сын.

- Не знаю, - сказала она.

Они отвернулись от долины. Взявшись за руки, молча пошли по тропинке, покрытой тонким слоем холодной, свежей воды.

Через пять лет после этого прилетела ракета с Земли. Дымясь, она опустилась в долину. Из нее выскочили шумные, возбужденные люди.

- Война окончена! Мы принесли вам помощь!

Но дома, лавки, персиковые сады молчали. А в заброшенной мастерской виднелся недоконченный, заржавленный остов ракеты.

Новоприбывшие начали с поисков среди холмов.

Капитан устроил свою штаб-квартиру в опустелом баре. Туда явился с докладом первый из разведчиков.

- Поселок пуст, сэр, но мы нашли живые существа, туземцев. В горах. Они высокие. Золотоглавые. Марсиане. Они очень кротки и дружелюбны. Мы немного поговорили с ними. Они легко учатся нашему языку. Я уверен, что отношения с ними наладятся.

- Высокие, да? - задумчиво повторил капитан. - Сколько их?

- Человек шестьсот-восемьсот. Они живут в горах, в мраморных развалинах. Смуглые, тонкие, стройные. На вид здоровые. Женщины у них красивые.

- Не говорили ли они, что случилось с жителями поселка?

- Не имеют ни малейшего понятия.

- Странно. Вы не думаете, что эти марсиане истребили их?

- Они выглядят удивительно кроткими. Может быть, была какая-нибудь эпидемия, болезнь...

- Возможно. Одна из тех тайн, которых мы никогда не разгадаем.

Капитан окинул взглядом комнату, поглядел на запыленные окна, на голые вершины гор, на играющие блеском каналы, прислушался к тихому шороху ветра. Потом, опомнясь, ударил ладонью по развернутой перед ним большой карте.

- Работы перед нами много. - Его голос звучал мерно и тихо, а солнце садилось за голубые холмы. - Нужно строить новые поселки, шахты, брать образцы для бактериологических исследований. Составлять заново карты, давать новые названия горам, рекам и всему прочему. Поработать воображением. Что, если мы назовем эти горы - горами Линкольна, этот канал - каналом Вашингтона? И почему бы не назвать эту долину именем Эйнштейна, а вон ту, дальше... Вы меня слышите, лейтенант?

Первый офицер с усилием отвел глаза от тонкой голубой дымки, окутывающей далекие склоны.

- Что? Да, я вас слушаю, капитан.